

Поэт **ТИМУР КИБИРОВ:**

*Известия - 2005 -
в мир - с. 14.*

«Где те юноши и девушки, что должны выстраиваться мне вслед?»

После двухлетнего перерыва вышел сборник стихотворений одного из самых значительных современных поэтов — Тимура Кибирова.

С Тимуром Кибировым встретила корреспондент «Известий»

НАТАЛЬЯ КОЧЕТКОВА.

ИЗВЕСТИЯ: Предыдущий ваш сборник «Кто куда — а я в Россию...» вышел в 2001 году. Эти книги символизируют для вас какой-то рубеж?

ТИМУР КИБИРОВ: С одной стороны, да. Но с другой, выход и предыдущей книги и этой не зависел от меня. Поскольку тот сборник оказался распродан, издательство предложило мне переиздать его, но с дополнением — включить туда ранние стихи и те, что за это время были написаны. В результате эта книжка вбирает все, чего я не стыжусь.

ИЗВЕСТИЯ: У нового сборника довольно нестандартная композиция — он поделен на две части. Сначала в хронологическом порядке идут стихи последних 15 лет, потом те, что написаны раньше. Зачем такое деление на «старого» и «нового» Кибирова?

КИБИРОВ: Это сделано для удобства читателя. Ранние стихи мне нравятся не меньше, но мне кажется, что современному читателю они малоинтересны. Поэма «Жизнь К.У. Черненко» — ну что это может для вас значить? Может быть, этот текст один из наиболее совершенных по технике, по уровню стилизации, но там стилизовано то, что уже никому не ведомо, кроме людей моего поколения. Очень большая часть моих текстов, к сожалению, была настолько увязана с контекстом того времени — политическим, эстетическим, нравственным, а то время было настолько уникально, что сейчас это может быть интересно только тем, кто специально занимается историей культуры.

ИЗВЕСТИЯ: В 1999—2000 годах у вас выходит один сборник за другим: «Улица Островитянова», «Нотации», «Amour, exil...», за ним «Юбилей лирического героя». А потом

только в 2002 году выходит «Шалтай-Болтай» — и пауза. С чем она связана?

КИБИРОВ: Мне не хочется повторяться. Мне всегда хочется писать ровно те стихи, которых мне, как читателю, не хватает. Есть очень хорошие поэты, но никто из них не пишет того, что отвечает моим потребностям — душевным, эстетическим, нравственным. Сейчас я приблизительно знаю на уровне содержания, чего мне не хватает, но я не могу нащупать, как это должно звучать.

ИЗВЕСТИЯ: Возможна ли сейчас новация в поэзии?

КИБИРОВ: Новация в значении «изобретение приемов», на мой взгляд, уже полвека как невозможна. Блистательное исключение — Лев Рубинштейн, ему посчастливилось изобрести буквально новую форму организации поэтического текста. И это не свидетельствует об исчерпанности. Изобретение приемов — это как раз детский, подготовительный уровень. Конечно, наиболее впечатляюще, когда человек изобретает новую букву. Но есть новизна другого уровня — когда кто-то из этих букв составляет новые слова, рождает новые смыслы.

ИЗВЕСТИЯ: За последнее время статус поэта сильно изменился. Если еще в 80-е Евтушенко и Вознесенский были властителями умов, то теперь поэзия стала более камерной. Как вы к этому относитесь?

КИБИРОВ: Как гражданину этой страны, мне это скорее нравится. Это свидетельство нормализации наших культурных нравов. Я думаю, что это было не совсем здорово и не полезно ни для читателя, ни для поэта, когда он в буквальном смысле играл роль пророка и публициста. С другой стороны, это очень обидно, потому что мое поколение начинало писать, на бессознательном уровне воспринимая именно эту фигуру поэта, окруженного безусловным благоговением. Это досадно. (Смеется.) На что же я жизнь положил? Где те юноши и девушки, что должны выстраиваться мне вслед?